

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора Польшванного Дмитрия Игоревича о диссертации Леонтьевой Анны Андреевны «Процессы этнокультурной интеграции в болгарском обществе конца XVII–XVIII вв. (по данным документов кадийского суда г. Софии)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03–всеобщая история (Новое время). М., 2020, 243 с.

Комплексное исследование социума и социальной жизни в Османской империи XVI–XVIII вв. вне крайних концепций ожесточенного противоборства и гармоничной мультикультурности занимает все большее пространство в трудах современных западных, турецких, балканских и отечественных ученых. Этому способствует как расширение источниковой базы исследований за счет новых материалов османских архивов, так и применение методов смежных с историей наук. Примером может быть монография американского историка и социолога Карен Барки (Karen Barkey) «Империя различий. Османы в сравнительной перспективе» (2008), вывод которой, что сожителство в империи разных этноконфессиональных групп опиралось как на правовые нормы, так и на «согласованный результат межгрупповых отношений, которые устанавливались и поддерживались сверху вниз государством, а снизу вверх – сообществами, члены каждого из которых были заинтересованы в поддержании межобщинного мира и порядка», находит поддержку многих ученых в разных странах. Думается, под ним могла бы подписаться и соискательница, хотя книги К. Барки и нет в списке литературы к ее диссертации.

А. А. Леонтьева формулирует цель диссертационного исследования - «на примере населения города Софии проследить, какие процессы происходили в период кризиса и постепенного упадка Османской империи [в XVIII в.] в городских обществах болгарских земель, проанализировать степень интеграции местного христианского населения в османское городское общество, выявить основные направления и специфические особенности этих процессов» (с. 6). Далее цель, в которой уже сочетаются три направления,

декомпозирована еще на четыре задачи, ориентированных на содержание анализируемых источников – от анализа этноконфессионального состава населения Софии и его пространственной организации и практик исламизации до сопоставления положения мусульманок и православных женщин и сравнения имущественного положения и элементов бытовой культуры домохозяйств.

Исследовательским главам предшествует предисловие, содержащее краткое методологическое введение с объяснением терминологического аппарата работы (с.10-13), обширный (с.13-59 или около 20% объема рукописи) обзор литературы, охват которого существенно превышает исследуемую проблематику, а также раздел об использованных источниках, в основном, опубликованных в серии «Турецкие источники по болгарской истории» и тематических сборниках. Общее число использованных османских источников автор определяет в 1100 ед. (с. 72), а в библиографии к источникам отнесено всего 15 заглавий (с.221-222). Говоря о заметках путешественников по Балканам, упоминает лишь книгу Эвлии Челеби, относящуюся к XVII в. В то же время, изданы в переводе на болгарский язык в серии «Чужди пътеписи за Балканите» путевые заметки многих западноевропейских путешественников XVIII в., опубликован сборник их свидетельств «Румелийски делници и празници от XVIII в.» (1978).

Первая глава «Немусульмане и шариатский суд» (с.74-103) объединяет четыре параграфа, соответственно посвященных правовой системе Османской империи, статусу немусульман в Османской империи, истории изучения исламского права в России и, наконец, непосредственно связанному с задачами исследования наследственному праву в исламе. Три параграфа главы носят вводный характер и основываются на общих трудах и учебной литературе по османскому и мусульманскому праву, теория и практика применения последнего в Софии иллюстрируются примерами из источников.

Во второй главе (с.104-135), которая, в отличие от первой, как и остальные три, не делится на параграфы, автор рассматривает «этноконфес-

сиональную диффузию» городского населения. Судя по приводимым примерам, под этим термином понимается сочетание нескольких процессов: имущественного нивелирования в рамках как восходящих, так и нисходящих тенденций общеимперского экономического развития; взаимопроникновения бытовых культур горожан и их предпочтений и не в последнюю очередь размывания пространственных границ внутри Софии за счет исламизации части немусульманского населения. Выбор наследственных протоколов для иллюстрации данных процессов позволяет выявить правовую основу и, до определенной степени, динамику этих процессов.

В третью главу работы (с.136-151) под названием «Новые мусульмане» вынесены вопросы ненасильственной исламизации городского населения в различных жизненных ситуациях на материалах как упомянутых выше наследственных протоколов, так и петиций о принятии ислама (кышве бахасы). Вывод, что «переход в ислам христиан выглядит скорее шагом, необходимым для решения житейских, порой сугубо бытовых проблем, нежели результатом прямого принуждения со стороны османских властей или религиозного поиска», на наш взгляд, оставляет в тени роль заданных государственными, конфессиональными и социальными институтами условий, не оставлявших будущему «новому мусульманину» иного выхода.

Глава IV (с. 152-179) в сравнительном плане трактует о положении и правах женщин-мусульманок и немусульманок в Софии конца XVII-начала XIX вв. Эта тема, ранее изучавшаяся болгарскими учеными Св. Ивановой и О. Тодоровой, получает в работе дополнительные акценты на деловую и финансовую активность, возможности которых у мусульманок были существенно выше.

Заключительная пятая глава (с.180-213) посвящена особенностям материальной культуры горожан. Рассматривая упоминаемое в источниках движимое имущество семей, принадлежавших различным конфессионально-этническим группам от книг и утвари до оружия и предметов роскоши, А.А.Леонтьева приводит и другие данные, говорящие о нивелировании бы-

тового достатка мусульман и немусульман главного города Румелии и Софийского санджака.

В заключении (с. 214-220) подводятся итоги исследования и делается общий вывод о «правовом плюрализме» в болгарских землях, даются краткие резюме выводов по главам, отражающие выполнение поставленных автором задач. А.А.Леонтьева заключает, что «результаты анализа источников не дают оснований говорить о скрытой ассимиляции населения болгарских земель (в данном случае – г. Софии), поскольку нет сведений об утрате болгарами этнической идентичности в результате взаимодействия двух этносов». В данном случае, по ее мнению, речь может идти скорее об аккультурации – «приобретении народом тех или иных элементов культуры другого народа, происходящем в результате общения этих народов» (ссылка на учебное пособие по этнологии – Д.П.). Имело место активное взаимодействие турок и болгар в различных сферах жизни. Турецкое влияние в рассматриваемый период было ощутимо в устройстве жизни и культуре болгар, но не привело к утрате национального самосознания и идентичности».

В целом диссертация А.А.Леонтьевой является самостоятельным научно-квалификационным исследованием. В ее основе лежит анализ представительного и достоверного комплекса источников, выводами которого обоснованы достигнутые результаты. Работа соответствует паспорту научной специальности 07.00.03 (5.6.2 новой номенклатуры специальностей) – всеобщая история, пп. 5, 8, 12, 13, 23. Поставленные автором исследовательские задачи получили аргументированные ответы, отраженные в положениях, вынесенных на защиту; и подтверждены материалом исследовательских глав. Уровень апробации исследования подтверждается двадцатью публикациями в отечественных и зарубежных научных изданиях, в том числе четырьмя статьями в научных журналах, внесенных в Перечень ВАК, а также многочисленными презентациями отдельных частей диссертационной работы на российских и международных конференциях.

Вместе с тем, работа не свободна от недостатков. Прежде всего, на наш взгляд, следует отметить их в методологическом инструментарии исследования. Привлекая категориальный аппарат этнологических исследований, А.А.Леонтьева исследует ситуации правового регулирования, в которых стороны этнополитического взаимодействия не просто поставлены в неравные условия, но немусульмане подвергаются правовой, экономической и бытовой дискриминации. Даже при отсутствии «прямого насилия» такие ситуации ведут к структурному насилию, описанному в общем плане Й. Галтунгом в конце 1960-х гг. и в наше время исследуемому и на османском материале. В этом случае, например, «добровольность» решений о принятии ислама, о которых пишет автор, как и обращений в кадийский суд немусульман не может быть полностью объяснена на основе подхода, применимого к взаимодействию этнических или этноконфессиональных общностей в иных условиях.

В связи с вышесказанным вынесенное на защиту положение 6 («В городском обществе Софии в XVIII в. не существовало угрозы ассимиляции болгарского населения и утраты национальной идентичности») на наш взгляд, по меньшей мере спорно на уровне отдельных личностей и семей. Что касается «национальной идентичности», то ее существование на уровне «городского общества» Софии в исследуемое время подлежит аргументации, которая в рецензируемом тексте не представлена. Еще один недостаток данного вывода – генерализация оценки в рамках всего XVIII в. Известно, например, что практика привилегированного принятия ислама через кишвебахасы прекращается на Балканах в 1730-е гг. После поражения в австро-турецкой войне 1735-1739 гг. София теряет роль главной тыловой базы и узла военных коммуникаций, Румелия на деле распадается на санджаки, а центр эялета смещается в Македонию (в 1797 г. София была разграблена кирджалиями, резиденция румелийского вали в Софии была разрушена, а в 1828 г. она официально перенесена в Битолу). При этом София оставалась центром санджака, очертания которого изменялись, в том числе и в XVIII в.

Среди методов своего исследования А.А.Леонтьева называет и сравнительно-исторический, но работы, касающиеся изучаемых проблем на материале других городов Румелии и других провинций Европейской Турции – Видину, Русе, Скопле и др. - лишь эпизодически цитируются в диссертации или не упоминаются вообще. Сами же кадийские суды представлены в несколько идеализированном виде, хотя источники, как упоминает и автор, ссылаясь единственный раз на новейшую публикацию болгарских османистов о православных структурах на Балканах, содержат примеры коррупции, круговой поруки и других пороков этих учреждений.

Научная литература, цитируемая в работе и отраженная в библиографическом списке, не охватывает многие значимые труды, прежде всего, написанные на европейских и турецком языках в нынешнем веке, например, том 60 серии издательства «Brill» (*Rendre la justice à Amid. Procédures, acteurs et doctrines dans le contexte ottoman du XVIIIème siècle. Brill, 2016*) или издание Марлен Курц сиджилов кадийского суда Скопле с конца XVIII в. (оригинал архива, хранившийся в Сараево, уничтожен в ходе войн 1990-х гг. (*Das Sicill aus Skopje: Kritische Edition und Kommentierung des einzigen vollständig erhaltenen Kadiamtsregisterbandes (Sicill) aus Üsküb (Skopje). Wiesbaden: Harrassowitz, 2003*). Историографический очерк делает упор на общие работы, оставляя в стороне оценку индивидуального вклада в исследование проблем ученых, которые непосредственно занимались составляющей их тематикой (прежде всего, Р. Градевой, Св.Ивановой, О.Тодоровой др.). Кроме того, в болгарской историографии и прессе регулярно возникают острые, если не сказать большего, дебаты относительно общей оценки влияния на болгар османского владычества, его отдельных сторон и эпизодов. Примером может быть реакция на болгарский перевод труда голландского историка архитектуры М. Кийла, также включенный автором в список литературы. Упомянутый выше А. Минков, проживающий ныне в Канаде, издал по-английски в Brill труд о петициях «кышве бахасы», предварив его посвящением матери, которая, как он пишет, «умоляла меня не писать эту книгу, потому что она

